

Мы с мужем совершали ритуал: чаепитие перед спектаклем. Муж просматривал газету, прихлебывал чай из огромной чашки и сообщал мне последние театральные новости. Рассказчик он хороший, чего не скажешь о его игре. Я пила чай из чашки поменьше, с удовольствием смотрела на его красивое лицо и жалела, что он мой муж. Услышав звонок в дверь, я досадливо поморщилась — по четвергам, а был четверг, мы предпочитали проводить день вдвоем. Муж посмотрел на меня поверх газеты.

— Кто бы это?

— Понятия не имею, — ответила я и хотела подняться, но он опередил меня.

— Сиди, дорогая, я открою, — муж у меня джентльмен.

Звонок надоедливо трещал, затем хлопнула дверь, и я услышала голос моей подруги Таньки, при звуках которого меня всегда пробирает дрожь. Болтать она начала с порога, муж довел ее под руку до кухни.

— Привет, — буркнула она и тут же добавила: — Я влюбилась.

— Чудесно, — без иронии заметил муж. — Присутствовать можно?

— Оставайся, — разрешила Танька. — Тебе полезно послушать. Что-то ты больно спокоен, друг мой, а с такой женой, как у тебя, всегда надо быть начеку.

— Приму к сведению. Так что там за новый возлюбленный?

Танька влюблялась, как правило, четырежды в год, вспышки приходились на средний месяц каждого сезона, она объясняла это особыми токами в крови.

— Ну, так что за любовник? — подала я голос. — Что он, красив, умен?

Танька подозрительно покосилась на меня.

— Что-то ты бледная сегодня.

— Это освещение.

— Может, и освещение, а по мне, ты слишком много пялишься на своего красавца мужа. Кстати, мужчине вовсе не обязательно быть красивым, а ум ему уж точно ни к чему.

— Значит, твой любовник безобразен и глуп?

Танька стала сверлить меня взглядом, силясь понять, говорю ли я серьезно или дразню ее. Наверняка лицо у меня сейчас довольно глупое, зато непроницаемое. Я пользуюсь своим лицом как ширмой. Не обнаружив ничего похожего на насмешку, Танька улыбнулась.

— Он чудо.

— Прошу прощения, леди, — встрял муж. — Пикантные подробности будут?

— Разумеется, — ответила Танька.

— Тогда я удаляюсь. Терпеть не могу, когда хвалят других.

Муж поднялся и, одарив меня самым нежным взглядом из своего арсенала (в театре он играет преимущественно любовников), скрылся в гостиной.

— Хорош, черт, — вздохнула Танька.

— Хорош, — отозвалась я. — Ну, что там с любовником?

— Он из Сан-Франциско.

— А где это?

— Не прикидывайся. В Америке.

— Серьезно? А здесь-то ему что надо?

— Контракт приехал заключать. Мост будут строить.

— Через нашу канавку, что ли?

— Ты чего сегодня вредная такая, женские недомогания?

— Да я так просто, выясняю, — мирно сказала я. — Контракт заключили?

— Нет. Думаем. Уж больно круто.

— Так ведь из Сан-Франциско люди едут.

— Вообще-то он грузин.

— Но из Сан-Франциско. Любопытно.

Танька опять стала сверлить меня взглядом.

— Не вредничай, родители у него эмигрировали. — Тут она лучезарно улыбнулась и спросила: — Доброе дело сделать хочешь?

— Хочу, если это не дорого.

— Не дорого. Пойдем в ресторан. Он меня поужинать пригласил. Но ведь как-то неудобно, верно?

— Отчего ж неудобно?

— Ну, у нас же вроде деловые отношения. А тут вдвоем.

— Так вы ж любовники.

— Да нет еще. В общем, я сказала, что приду с тобой, а он там какого-то хмыря притащит.

— Ты уверена, что получится приличней?

— Уверена. В шесть часов встречаемся.

— Не пойдет. Сегодня в театр иду.

— Что там делать-то? На мужа смотреть...

Он тебе и так целыми днями глаза мозолит. Между прочим, не так уж часто я обращаюсь к тебе с просьбами.

Действительно, за последнюю неделю это случилось всего каких-нибудь пять раз.

— Не пойду.

— Вот только попробуй, — сурово сказала Танька. — Может, от этого ужина моя судьба зависит. Позвоню.

Танька отбыла, крикнув мужу:

— Валерочка, котик, пока.

Валера, стоя перед зеркалом, пытался завязать галстук. Он морщился и время от времени стонал:

— Черт, это невыносимо.

Зрелище устрашающее. Я не умею завязывать галстуки. Все, чем могу помочь в

этом процессе, так это напряженно морщить лоб и повторять:

— Спокойнее, милый.

Наконец с галстуком было покончено. Муж довольно улыбнулся, я помогла ему надеть пиджак, стряхнула с плеча несуществующие пылинки.

— Ты чудо, — сказал он и поцеловал меня в нос.

Я довольно улыбнулась. Прощальный взгляд в зеркало: в профиль Валера просто бесподобен.

— Какие у тебя планы на вечер? — спросил он.

— Вообще-то я собиралась в театр, говорят, ты превзошел самого себя. Должна же я это видеть.

Лицо любимого чуть вытянулось. Чего-то я с планами намудрила. Свинство, конечно, с моей стороны, сообщать ему об этом за два часа до спектакля. Я поспешно отвернулась и начала перебирать ноты на фортепиано — надо дать возможность человеку опомниться. В мужа я верю, он молодчина. Несколько лет назад ему присвоили «заслуженного», не зря присвоили: когда я, сосчитав до шестидесяти, повернулась, на лице его сияла самая ослепительная из улыбок.

— Как это мило, что ты решила посмотреть спектакль, — бодрым голосом заявил он и поцеловал меня. Несколько минут мы о чем-то поболтали, но взгляд у него был ищущий, значит, плохи дела у человека.

Я проводила его до двери и чмокнула на прощание, потом вернулась в гостиную, прихватив из прихожей телефон. Выждав сорок минут, позвонила в театр. Меня попросили подождать, а когда муж взял трубку, я чуть не плача сказала:

— Валерочка, прости меня ради бога, я не смогу прийти. Мне самой страшно жаль... Я сожгла бордовое платье, да, забыла утюг... И у тебя еще хватает совести острить?.. Нет, в другом платье не могу, к тому же настроение безнадежно испорчено.

Я повесила трубку. Бордовое платье придется на время спрятать, через месяц Валера все равно о нем забудет. Тут как раз позвонила Танька:

— Ты мне подруга или кто?

— Подруга, подруга, сейчас подъеду.

Надо полагать, это судьба.

Танька, пританцовывая, ждала на остановке. Я открыла дверцу машины, и она плюхнулась рядом.

— Мать моя, холод какой. Лето хочу. Дай гляну, что надела.

Я распахнула шубу.

— Так и знала. Выпендрилась. Теперь на тебя пялиться будет.

— Я тебе сколько раз говорила, ищи подругу хуже себя. А ты простофиля.

— Душевная я, этого у меня не отнимешь. Чего мужу сказала?

— Сказала, что платье бордовое сожгла.

— Правда сожгла? — ахнула Танька.

— Нет.

— Слава богу, хорошее платье. А твои титьки в нем высший класс, не только мужикам, даже мне сразу чего-то хочется.

Тут Танька права: бюст у меня такой, что семь мужиков из десяти, увидев его, долго не могут захлопнуть рот, остальные трое живут с открытым ртом до конца жизни.

Танькин возлюбленный ждал нас при входе. Грузинского в нем только и было что темные волосы, а вообще-то отнести его к какой-либо национальности было весьма затруднительно. Впрочем, Сан-Франциско далеко, и кто знает, какие там грузины. Понять, чего Танька в нем нашла, было невозможно, но она во всем проявляла такую стойкую оригинальность, что я давно оставила всякие попытки что-нибудь в ней уразуметь. Второй кавалер был совершенно бесцветен, к тому же по-русски не говорил, пялился на меня, что-то лепетал и все норовил ухватить за коленку. Черт его знает, что он там себе вообразил. Через полчаса стало ясно — ужин не удался. Сначала это поняла я, а потом дошло и до Таньки; возлюбленный говорил только на две темы: контракт и мост. Танька ерзала, смотрела на него по-особенному, потом притомилась и заявила, что от нее мало что зависит. Это она врала из вредности. Через час мы уже мельничко

трусили к моей машине. Танька материлась, скользя на высоких каблуках.

— Нет, ты скажи, где еще такого дурака увидишь? А ты ехать не хотела. Да его за деньги надо показывать. Баба из трусов выпрыгивает, а он ей про мост лапшу вешает. Все, это последний американец в моей жизни.

— Он грузин.

— Козел он прежде всего. Ох... Ну что? Поехали к Аркашке, что ли? Напьюсь с тоски.

— К Аркашке не поеду. Позавчера был. Надоел до смерти.

— Бабки стричь не надоело. Поехали, не бросишь же ты меня, когда я в таком положении.

— В каком положении?

— В трагическом, дура.

— Поехали, — сказала я, заводя машину.

— Давай по объездной, быстрее получится.

Но едва мы выехали на объездную, как в машине что-то подозрительно хрюкнуло, и она заглохла.

— Чего это? — недовольно спросила Танька.

— Бензин кончился.

— Вечно у тебя что-нибудь кончается. Вываливай титьки на дорогу, мужиков ловить будем.

— В шубе я.

— Распахни.

Мы вышли из машины, закурили и стали ждать появления спасателей.

— Зараза, холодно-то как.

— Холодно, Танюшка, холодно.

— А я еще сдуру без трусов. Выпендрилась, прости господи, чулки и подтяжки... Для кого старалась!

— Может, ты в машину сядешь, чего задницу морозить?

— Хрен с ней, с задницей, все равно не везет.

Тут в досягаемой близости появился «москвичонок» и притормозил.

— Чего у вас, девчонки? — весело спросил дядька в лисьей шапке.

— Ничего у нас для тебя нет, дорогуша, — ответила Танька. — Кати дальше.

Дядька укатил.

— Чего ты? — спросила я. — Плеснул бы бензинчику.

— Душа у меня горит.

— Ага. Душа горит, а задница мерзнет.

Тут подкатила «бээмвэшка», первым вышел водитель, здоровенный детина с наглой рожей, за ним появился пассажир. Кожаные куртки, норковые шапки, одно слово — униформа. Первый радостно осклабился и спросил:

— Что, девочки, загораем?

— Загораем, — бойко ответила Танька, оглядывая парня с ног до головы, плохое настроение с нее как ветром сдуло. Танька от здоровых мужиков просто дурела, она их, как свиней, килограммами мерила.

— Что случилось-то?

— Бензин кончился.

— Что ж вы так, девочки? Придется помочь. Как думаешь, Дима?

Дима подошел поближе и улыбнулся. Улыбка у него — лучше не бывает.

— Поможем, конечно.

Нас разглядывали. Мне что, не жалко. Танька стояла подбоченясь, ухмыляясь и выглядела сногшибательно. Парни засуетились, потом пошептались о чем-то возле своей машины и опять подошли к нам.

— Девочки, накладочка вышла, — сказал первый. — Бензина у самих маловато, придется до заправки ехать.

— Ясно, — усмехнулась Танька.

— Да нет, серьезно, хотите, я вам Димку в залог оставлю? — Парень сделал паузу и добавил, глядя на Таньку: — Можешь со мной поехать, если не веришь.

— Пожалуй, так надежней будет, — засмеялась она и, покачивая бедрами, пошла к «БМВ». Я села в свою «восьмерку» и открыла правую дверь.

— Садись, Дима.

Он сел, я включила свет в салоне, чтобы получше его разглядеть, ну и, само собой, чтоб и он увидел, кто с ним рядом. Дима был хорош. Лет двадцати пяти, голубые глаза, чувственные губы и улыбка героя американских боевиков. Еще одним явным достоинством Димы было полное отсутствие

наглости: во взгляде, в улыбке, в манере сидеть.

— Курить можно? — спросил он.

— Можно, — улыбнулась я.

— А вы курите?

— Иногда.

Мы закурили.

— Думаю, они не скоро вернутся, — заметил Дима, но опять-таки спокойно, без нажима.

— Я тоже так думаю, — согласилась я. — Если уйдешь, я не в претензии.

— Да нет. Спешить мне некуда. Как вас зовут? Глупо разговаривать, не зная, как обратиться к человеку, — сказал он, словно извиняясь.

— Лада. Лада Юрьевна.

Он улыбнулся.

— Имя у вас интересное. Редкое.

— Да, имя у меня редкое. А тебя зовут Дима. Чем занимаешься? Ничего, что я спрашиваю?

Он пожал плечами.

— На станции техобслуживания работаю, слесарем.

— Нравится?

— Нравится. Я с детства машины люблю. Вот сломается ваш «жигуленок», приезжайте, сделаю в лучшем виде.

— Да вроде бы миловал бог, пока бегает.

— Новая машина?

— Да.

— Ваша или мужа?

— Моя.

— Я себе тоже машину собрал, полгода возился, но не зря. Хорошая машина. — Он вдруг запнулся и спросил: — Вам, наверное, смешно?

— Почему? — удивилась я.

— Ну, я ведь не слепой, кое-что вижу: шуба песцовая, своя «восьмерка», одно ваше кольцо стоит дороже моей тачки. Муж коммерсант?

— Муж у меня актер, в театре играет. Папа у меня хороший.

— Ясно. А вы чем занимаетесь?

— В музыкальной школе работаю, детишек учу.

— На пианино?

— Да.

— Руки у вас красивые.

— Руки? — улыбнулась я.

— Об остальном не говорю. Слов нет. Без шуток.

— Спасибо. Мне приятно. Слушай, ты сладкое любишь? У меня шоколад есть.

— Люблю, — улыбнулся он.

Мы разломали плитку пополам, я быстро свою съела, а Дима от своей половинки отломил чуть-чуть, остальное протянул мне, вышло это трогательно и мило.

— В армии почему-то очень сладкого хотелось, — сказал он, а я спросила, где служил? — и разговор пошел сам собой, точно мы знали друг друга давным-давно. Когда впереди показалась «БМВ», я даже ощутила что-то вроде досады.

— Вот и Вовка с вашей подругой. — По Диминому голосу было ясно, что дружок мог бы и не торопиться. Вова вышел, достал канистру из багажника и подошел к нам.

— Дима, — сказал Вовка, ухмыляясь, — тебя Лада довезет, ладно? У меня тут... в общем, доедешь, да?

— Доеду, — ответил Дима. — Лада, воронка есть?

— Есть, в багажнике. — Я подала ему ключи. «БМВ» с Вовкой и Танькой укатила, я тоже завела машину.

— Ты где живешь? — спросила я Диму. Он посмотрел мне в глаза.

— А вы очень торопитесь?

— Да нет. Хочешь, покатаемся?

— Хочу.

— Тогда за руль садись, я, когда болтаю, езжу неаккуратно.

Машину Дима водил мастерски, вообще смотреть на него было одно удовольствие. Мы катались по вечернему городу и болтали, пока я не сказала, смеясь:

— Дима, у нас с тобой опять бензин кончится.

— Понял, — ответил он.

Мы поставили машину в гараж и домой поехали на такси, возле моего подъезда простились, Дима уехал, а я поднялась к себе, переоделась, поставила чайник на плиту и стала ждать Валеру. Мысли мои были приятны, и настроение отличное, выходило, что Танька в этот вечер меня вытащила из дома не зря.

Утром мы поднялись поздно — по пятницам я работаю во вторую смену, у мужа репетиция в двенадцать, можно было отоспаться. Я готовила завтрак, скучала и прикидывала, чего бы мне захотеть. Помучившись немного, я захотела новую машину. Следовало подготовить мужа.

— Валерочка, — сказала я, — у меня с машиной что-то. Не заводится.

— Да? — Муж в автомобилях не разбирается, у него своя «девятка», в ней вечно что-то ломается, муж злится и о машинах говорит неохотно. — Наверное, зажигание, надо посмотреть.

Тут в дверь позвонили.

— Что за черт, — сказал Валера. — Ни дня без гостей, — и пошел открывать. Однако голос его мгновенно переменялся. — Аркадий Викторович, — радостно запел он. — Проходи. Куда пропал? Только вчера тебя вспоминали.

— Ох, Валера, работа в гроб вгоняет, связался с этой коммерцией, век бы ее не видать. Как вы?

— Нормально, проходи. Лада на кухне. Лада, посмотри, кто пришел.

В кухню бочком и слегка пританцовывая вкатился Аркаша, маленький толстый старый еврей, мой любовник.

— Здравствуй, Ладушка, — пропел он и к ручке приложился.

— Аркадий Викторович, что невеселый?

— Заботы одолели. Чайком не напоите?

— Конечно. — Муж поставил чайни-

чек. — Может, коньячку? Хороший, армянский.

— Ох, нет, спасибо. Бросать надо коньячок. Сердце прихватывает.

— Рано тебе на здоровье жаловаться.

— Какое там, Валера, — Аркаша махнул рукой. — Стар, стар стал, пора на покой, сына бы на ноги поставить.

Аркаша пил чай и лучисто улыбался. Физиономия у него круглая, как луна, и чрезвычайно добродушная. По внешнему виду Аркаши никто бы не догадался, что это редкий подлец, жулик и бандит. Они с Валерой пили чай, а я за ними ухаживала.

— Лада на машину жалуется, — сказал Валера. — Что-то у нее там с зажиганием.

Аркаша кивнул:

— Посмотрим, пришлю кого-нибудь. А твоя как?

— Не знаю, что с ней делать... Продать надо к чертовой матери.

— Давай ее сыну покажем, он у меня такой мастер, сам удивляюсь. Талант у парня. Продать всегда успеешь.

Через час Валера засобирился на репетицию, ласково простился с Аркашей и отбыл. Я его проводила и вернулась на кухню.

— Ладушка, — запел Аркаша. — Красавица ты моя, соскучился. — Он обнял меня за талию и прижался головой к моему животу.

— У меня машина сломалась, — сказала я.

— Слышал. Сделаем.

— Надоело мне на этом старье ездить.

Аркаша подпрыгнул.

— Ладуль, какое старье, побойся бога, машине полтора года.

— Я и говорю, старье.

Аркаша заерзал.

— Старье... Я на своей три года езжу.

— Вот и езд, а мне надоело.

— Да ты с ума сошла. — Он руки расцепил и нахмурился. — Чего тебе еще?

— «Волгу».

Аркаша, как я и предполагала, схватился за сердце.

— Спятила баба. «Волгу». Совесть надо иметь. Я на тебя трачу больше, чем на всю свою семью.

— Я ж тебя не граблю, продай мою «восьмерку», деньги заberi.

— Что их забирать, все равно выцыганишь. Ух, глаза бесстыжие.

— Жадничаешь, черт плешивый, — сказала я и хлопнула тарелку об пол. — Дождничаешься. Брошу к чертовой матери.

— Как же, бросишь, — ядовито сказал Аркаша. — А деньги? Ты за деньги удавишься.

— Найду другую дойную корову, вон Лома, например.

— Лома? — Аркаша опять подпрыгнул. — Да Лом сам смотрит, как бы с баб содрать.

— Ничего, я его так поверну, молиться на мою задницу будет, не говоря уж о прочих интересных местах.

Аркаша стал менять окраску с обычного бледно-фиолетового до багрового, потом вдруг позеленел.

— Ну до чего ж подлая баба, мало я на тебя трачу, Лом ей понадобился. А этот, сволочуга, все Ладушка да Ладушка, пущу в расход подлеца.

— Чего городишь-то? Кто с твоими бандюгами управляться будет? Они тебя в пять секунд почикают. Пропадешь без Лома.

— Ох, Ладка, узнаю чего, я тебя... — Аркаша запнулся, прикидывая, что он мне такое сделает, но, так и не придумав ничего особенного, махнул рукой. — Ты перед Ломом титьками своими не тряси, у него и без того рожа блудливая, так по тебе глазищами и шарит. Ну что тебе «Волга», корыто, прости господи, уж покупать, так импортную.

— Я патриотка, родную промышленность поддержать хочу.

— Шлюха ты, бессовестная баба и шлюха.

— А ты пенек старый, — заявила я и стала разливать чай.

Аркаша посидел, посопел, вернул себе обычный цвет и, почесав грудь, сказал:

— Ладушка, чеченцы вчера опять были, слышишь?

— Гони в шею. Говорили уже.

— Деньги-то какие сулят.

— Они посулят, а потом брюхо-то жирное тебе вспорют. Свяжешься с нехристями — брошу. Ей-богу, брошу и на деньги твои наплюю.

Я подумала и на всякий случай вторую тарелку грохнула. Тарелок было не жалко.

— Ты подожди, — опять запел Аркаша. — Дело-то выгодное, подумай, мы ведь в сторонке будем. А деньги-то какие.

— Аркашка, — грозно сказала я, — отвяжись. Нутром чую, свяжешься с чечней, каюк тебе.

Он вздохнул. В мое нутро Аркаша верил свято. Лет пять назад подъехали к нему с большим делом, мне же предложение пришлось не по душе, ругались мы дня два, Аркаша уступил, потом дурью орал, злился, что из-за меня миллионов лишился. Но вскоре ребята отправились восемь лет строгача отсиживать, а толстяк тихой сапой их дело к рукам прибрал, просил прощения, руки целовал и с тех пор больше советов моих слушаться не смел. Аркаша еще раз выразительно вздохнул.

— Ладно, нет так нет. А с долгом что делать будем, неужто отдавать?

— Еще чего. Перебьются.

— Грозились.

— Ты на них Лома спусти. Нечего ему задницу просиживать. Обленился, кобель здоровый, только и знает девкам подолы задирать. За что ты ему деньги платишь?

— И то верно. Пусть поработает.

Аркаша успокоился и опять ко мне полез:

— Ладушка, красавица ты моя.

Я чмокнула его в лысину. Аркаша обиделся.

— Ну что ты за баба такая, ласкового слова от тебя не дождешься. Все только дай да дай. Пожалела бы ты меня.

— Чего тебя жалеть?

Он вздохнул:

— Старею. Давление у меня. Сердце.

— Не прибедняйся. Ты меня переживешь. Давление. Лопать меньше надо.

— Куда меньше. Не пью совсем. Коньячку только.

— Водку пей. Поправишься.

— Дай я тебя хоть поглажу.

— Погладь.

— Ладуль, приедешь завтра?

— Приеду. Про машину не забудь.

— Не забуду. Какой у нас праздник?

— Двадцать третье февраля.

— Вот, будет тебе подарок к Дню Красной Армии.

Вечером я сидела в учительской, подбирала репертуар любимым чадам. Во всей школе оставалось человек десять, вахтерша дремала за стойкой, было тихо, и уходить не хотелось. Тут черт принес Таньку, она вплыла в учительскую, выдала улыбку и полезла целоваться.

— Ну что, как там Вовка? — спросила я.

Танька потянулась, демонстрируя свои прелести, и сказала с усмешкой:

— Заездил, черт. Не мужик, а конфетка.

Только взять с него нечего, за душой ни гроша, «бээмвэшкa» паршивая да пара сотен. Что за напасть такая — как мужик путный, так обязательно нищий, как богатый, так либо подлец, либо импотент. Одно слово, не везет.

— Простились навеки?

— Как же. Он как увидел мою квартирку, доверху упакованную, челюсть руками придерживал да еще коленкой помогал.

— Ты завязывай мужиков домой таскать. Смотри, ограбят.

Танька задумалась.

— Так вроде парень неплохой. Хотя черт его знает. Надо Лому сказать, пусть хоть сигнализацию, что ль, какую на двери поставит, поработает.

— Ага. У Лома только одна сигнализация работает, в штанах.

— Это точно. Мента надо в любовники. Пусть квартиру сторожит.

— Заведи.

— Попозже. С Вовкой разобраться надо.

— Зачем он тебе? Сама говоришь: нищета.

— А я за него замуж выйду.

Я хмыкнула, а Танька обиделась.

— А что? Он и моложе-то меня лет на пять всего. Возьму к себе на работу, человеком сделаю, знаешь как заживем. — Танька задумалась, потом сказала: — В люди выведешь, обуешь, оденешь, а он, подлец, по бабам шляться начнет.

— Так ведь еще не начал.

— Ой, Ладка, все мужики подлецы. А твой как?

— Покатались, до дома проводил.

— И не трахнулись?

— Нет, конечно.

— Че делается. Совсем баба дура.

— Я тебе уже говорила, у порядочной женщины может быть один муж и один любовник. Два — перебор.

— А если мужа нет, сколько любовников может быть?

— Сколько угодно.

— Слава тебе господи, в порядочных хожу. — Танька насмешливо посмотрела на меня и спросила: — Не надоел тебе твой Аркашка?

— Надоел. Бросить бы его, заразу, да где еще так пристроишься? Не к Лому же на поклон. Давно жметя, и на роже написано: «Не потрахать ли нам, дорогуша?»

— Не вздумай с Ломом вязаться. Подлюга. Аркашка надежнее.

— Вот и я так думаю.

— Засиделась ты возле него. Погулять надо. Пригрей Димку. Мальчик-то какой, а улыбочка!

Я махнула рукой.

— Машину хочу — «Волгу». Аркашка обещал.

— Ой, Ладка, — Танька головой покачала. — До чего ж ты на деньги жаднущая, прямо патология какая-то. Все тебе мало. Деньжищ у тебя — на всю жизнь хватит, а

ты... сидишь возле Аркашки, на хрена он тебе сдался, старый черт? Плюнь на него, заведи мужика путного, бабьего веку осталось совсем ничего.

— Отстань, — сказала я. — У тебя мужики, у меня деньги.

Танька вдруг заерзала.

— Ты меня домой не отвезешь? Что-то беспокойство у меня. Правда не ограбили бы. — Как Танька по мужикам ни сохла, но барахло любила еще больше.

— Отвезу, — засмеялась я.

В машине Танька опять начала приставать ко мне:

— Мужа ты своего не любишь, Аркашку едва терпишь... Вышла бы замуж за хорошего человека, ребенка бы родила.

— Отстань, Танька, сама рожай. Ребенка мне еще не хватало...

— Ага, я уже родила.

Бывший Танькин муж был алкоголик, у их ребенка была болезнь Дауна, Таньку он даже не узнавал, но она его жалела и регулярно ездила к нему. Возле дома она тяжело вздохнула:

— Прямо боязно идти. Умеешь ты настроение испортить.

— Да ладно, ступай, цело твое барахло.

Я поехала домой, размышляя над Танькиными словами. И мужа я давно не любила, и Аркашка мне надоел, и денег я желала до судорог. Мой роман с деньгами начался

давно и поначалу неудачно. Родители жили скромно, а я всегда мечтала о респектабельности, но по молодости дала маху: вышла замуж за актера. И ладно бы просто вышла замуж, а то ведь влюбилась, как кошка.

Было мне девятнадцать, училась я в пединституте, а Валерка, закончив театральное, прибыл в наш город вместе со своим курсом и дипломным спектаклем «Милый друг». Он играл Жоржа Дюруа и был так хорош, красив и сокрушительно нахален, что дух захватывало. После спектакля я потащила к нему с цветами и таскалась до тех пор, пока он не созрел до понимания простой истины: лучше меня никого на свете нет. Через месяц он признался мне в любви, через три мы поженились. Жили у родителей, спали на кухне, квартира однокомнатная. Зарплата у него была копеечная, и плюс моя стипендия. А тут квартиру предложили. Заняли денег. Бились как рыба об лед. Валерка по деревенским клубам катался, я полы в поликлинике по вечерам намывала, и все равно ни на что не хватало. Получили квартиру, еще беда — мебель. Опять долги. Я чулки штопала и ревела, учеников набрала столько, что от музыки, даже хорошей, тошнило. А тут беременность. Валерка за голову схватился.

— Лада, куда нам ребенок? Как мы на мою зарплату проживем?

Решили подождать. Я слезами обливалась, а в больницу все-таки пошла. Но доконало меня не это. Как-то, возвращаясь с

работы, влетела в троллейбус, денег не было ни копейки, в кошельке один ключ, но устала я страшно, спину разламывало, и решила рискнуть. А тут, как на грех, контролер, и народу всего человек десять. Вся кровь мне в лицо хлынула, я стояла ни жива ни мертва, а рядом парень, молодой, не старше меня, одет с иголки, на пальце печатка грамм на пятнадцать, и губы насмешливо кривятся. Посмотрел на меня, купил билет и мне протянул. Я взяла. На остановке вылетела из троллейбуса, он за мной, крикнул:

— Эй, подожди, — и подошел вразвалочку. А я точно свихнулась.

— Сволочь! — заорала. — Сволочь.

И бегом домой, слезы по щекам размазываю, трясусь и сама себя ненавижу. Ни о чем, кроме денег, я уже думать не могла. А их не было.

Валерка не выдержал первым. Ходил измученный, нервный, злой, а потом как-то враз переменялся, ласковый стал, все Ладушка да Ладушка. Я гадала, в чем дело, пока мне Танька глаза не открыла:

— Баба у него, торгашка. Лет на сто старше. Он на ее тачке разъезжает по доверенности, а она его после спектакля встречает и в ресторан. Хорошо устроился.

Я пошла взглянуть на торгашку. Выкатилась баба лет сорока пяти, толстая, некрасивая, лицо отечное, мешки под глазами, и смолоду, видно, красотой не блистала, а теперь и вовсе ей природа ничего от щедрот своих не оставила. Но пальто на ней было

класс и сапоги тоже, и топала она в тех сапогах к собственным «Жигулям». Я опять ревела, не от обиды даже, а от жалости к Валерке, каково ему с такой жабой спать? Деньги... Ох как денег хотелось! Прикидывала, где бы заработать, и так и эдак, ничего не выходило. На мужиков не смотрела, воспитание не то, замуж девицей выходила, и Валерке изменять было стыдно, хоть он этого и заслуживал. Отметили мой день рождения, ухнув всю зарплату, а на следующий день Танька пришла.

— Муж где?

— В театре. Премьера сегодня.

— А ты чего не пошла?

— Не в чем. Одно платье приличное, я в нем три года хожу. Люди думают — униформа, за билетершу принимают.

— Так, — сказала Танька. — Хватит тебе пялиться на красивую рожу своего мужа. Завязывай. Пора зарабатывать деньги.

— В проститутки не пойду. Брезгливая я.

— Не ходи. Пойдешь в содержанки.

— Чего ты городишь?

Танька закурила и сказала очень серьезно:

— Ладка, мужик у меня есть... Нам такие деньги никогда и не снились. Я у него долго не продержусь, характер не тот, не умею я мужиками вертеть, а ты баба железная, ты его до нитки оберешь. А я помогу. Ну что?

Мы посмотрели друг на друга, и я сказала:

— Как ты меня ему подсунешь, дура?

Придешь и скажешь, вот моя подружка, трахайте за деньги?

— По-умному сделаем. У меня и план есть.

— Какой план, Танька?

— Хороший план. В воскресенье придешь, познакомитесь.

Когда в воскресенье я увидела Аркашу, меня затошнило — старше меня лет на тридцать, достает мне до уха, хотя рост у меня не бог весть какой, плешивый, и рожа глупая-преглупая. Я улыбалась, вела себя скромно, к Аркаше выказывала интерес. На кухне шепнула Таньке:

— Да есть ли деньги-то у него, по виду — лопух.

— Есть. Что я, родной подруге свинью подложу?

Посидели мы втроем очень мило, и я Аркаше понравилась, он потом у Таньки про меня выспрашивал, а она, дурочкой прикинувшись, охотно отвечала. Мы не торопились, Аркаше я глаза не мозолила, виделись всего пару раз, но стараниями Таньки интерес ко мне поддерживался. Выбрали день, когда он должен был прийти, я явилась на час раньше, и Танька мне сказала:

— Ладка, муж у тебя актер, за пять лет кой-чему ты у него должна была научиться. Реви так, чтоб деревянного проняло.

И я заревела. Звонок в дверь, Танька открывать пошла, дверь в комнату распахнута

настежь, Аркаша на пороге с цветочками, а Танька ему:

— Извини, ради бога, не до гостей сегодня.

Аркаша увидел, как мой бюст ходуном ходит от горьких рыданий, и в квартиру прошмыгнул.

— Что случилось? Почему Лада плачет?

Танька и из себя слезу выжала:

— Иди, Аркаша, не до тебя сейчас. —
А он уже в комнате.

— Лада, что с тобой?

— Отстань от нее. Тут такая беда. Ей завтра за квартиру отдавать, собрали деньги, а у нее кошелек в троллейбусе украли. Мужу говорить боится, половина денег в долг. Ох, голова раскалывается, что делать, не приду-
маю.

Я реву еще громче, голову руками обхватив, а Аркаша бочком ко мне.

— Лада, не плачь, я помогу. Дам я тебе денег.

— Что ты болтаешь, а? — говорит Танька. — Как она тебе их вернет, что мужу говорить будет?

А Аркаша меня по коленочке гладит и ласково так говорит:

— Мы договоримся, Лада, договоримся.

На следующий день приехал ко мне в школу; я всю ночь на кухне книжку читала, чтоб с утра помятый вид иметь, вышла из учительской, головка набок, глаза опущены, а он мне конвертик.

— Вот, Ладушка.

Взяла дрожащей ручкой и сказала:

— Спасибо, Аркадий Викторович.

Через недельку он пригласил меня на дачу. Поехала. За свои деньги Аркаша хотел многого, и я старалась, как могла, ублажала. Однако и управляться с ним научилась быстро. Месяца не прошло, а я уже вертела Аркашей и так и эдак. На деньги был он жаден, но против моего напора устоять не мог. Стал интересоваться моей квартирой, к тому моменту было ясно, что никуда Аркаша от меня не денется, увяз, и я сказала правду. Головой покачал, посмеялся и похвалил:

— Хорошо, что не врешь.

Аркаша быстро шел в гору, а вместе с ним и я. Чуть что, грозились бросить к чертовой матери. Поначалу он боялся, а потом понял: деньги я люблю до одури и никуда не денусь. Успокоился, ревновал больше для порядка, и как ни странно, а верил мне. И я к Аркаше привыкла. Хоть и противны были его потные ладошки, однако душа родная и дело общее; на свой лад я его даже любила.

Но и Танька была права — бабьего веку оставалось не так много, и возле Аркаши я явно засиделась. Хотелось моей душе чего-то. Потому и о Димке второй день думала, не то чтобы мечтала, а так, нет-нет да и вспомню, улыбнусь.

В понедельник он мне позвонил в школу. Начал путано:

— Лада Юрьевна, это Дима, мы с вами в

четверг познакомились, у вас бензин кончился.

— Дима, — засмеялась я. — Неужели ты думаешь, что я тебя забыла? Откуда звонишь? Я через час заканчиваю, может быть, встретишь меня?

— Конечно, — а в голосе такая радость, кого хочешь умилишь.

Он был на машине ярко-красного цвета. Ничего подобного я в жизни не видела.

— Неужели сам собрал? — ахнула я.

— Сам, — Димка даже покраснел от удовольствия.

— На такой красавице ездить страшно. — Я нахваливала машину и Димку и смотрела ласково, а он волновался и явно не знал, что со мной делать. Пришлось прийти на выручку.

— Дима, ты извини, я голодная, как волк. Может, заедем куда, перекусим?

Поехали в ресторан, сидим, друг на друга смотрим, разговариваем. Пришлось признать: Димка мне нравится. Есть в нем что-то такое, от чего сердце сладко ноет и душа поет. А он мне все «вы» да «вы».

— Дима, — говорю, — я что, очень старая?

— Нет, — испугался он.

— А чего ты мне все «вы» говоришь?

Он улыбнулся.

— Не знаю. Вы... ты... как королева... я думал, такие женщины только в кино бывают.

— Это все тряпки. Увидишь меня в халате, и я покажусь такой невзрачененькой, что смешно станет.

— Невзрачененькой? — улыбнулся он. — Это слово тебе не подходит.

На следующий день мы опять встретились, когда муж был в театре. Летела как на крыльях, смех, да и только. Катались весь вечер по городу, болтали, я улыбалась и смотрела по-особенному, а он мне на прощание руку жал. Забавно.

На досуге я поразмыслила и решила, что пора показаться ему в халате. Сама ему на работу позвонила. Фамилии его не знала, но дама я настойчивая, потребовала Димку, слесаря. Нашли.

— Дима, — голос у меня ласковый, медовый, — это Лада. Хочу тебя в гости пригласить. Как ты на это смотришь?

— А как же... — начал он и осекся. — Хорошо я на это смотрю.

— Адрес запиши, — засмеялась я.

Уже года два, как Аркаша мне квартиру купил, там мы с ним и встречались, не грех было ее разок использовать в свое удовольствие. Дима больше вопросов не задавал, пришел минута в минуту, с цветами, шампанским и конфетами. Я открыла в халате, сказала «привет» и чмокнула его в щеку. Он покраснел, его руки забавно дрожали.

— Как я тебе в халате? — спросила я, а он ответил:

— Лучше, чем в вечернем платье.

Мы сели за стол, выпили шампанского,

о чем-то болтая. Я смотрела на Димку, и сердце у меня то колотилось со страшной скоростью, то замирало. Говорить о пустяках становилось все труднее. На словах спотыкались и торопливо отводили взгляды. Я так волновалась, что бокал опрокинула, залила шампанским Димкины брюки. Вско-чила и за полотенцем кинулась:

— Извини, ради бога.

Он засмеялся:

— Ерунда.

Взял меня за руку, сердце у меня застучало где-то в горле, я посмотрела в его глаза и сказала:

— Димка, поцелуй меня, пожалуйста.

Больше мне ни о чем просить не пришлось. Любовник он был восхитительный: нежный и страстный, у любой женщины дух бы захватило. Три часа прошли как три минуты, пора было домой. Я украдкой взглянула на часы, хотела подняться. Он меня за руку схватил, потянул на себя легонько:

— Лада...

Я только улыбнулась и, махнув на все рукой, прижалась к его груди. Через час позвонила домой, муж из театра вернулся.

— Валерочка, — сказала, — я здесь на вечеринку забрела, припозднюсь. Ты не беспокойся, меня проводят.

И опять к Димке.

Поздно ночью, когда я торопливо одева-лась, он подошел сзади, обнял и спросил тихо:

— Лада, это ведь все не просто так?

Я замерла на мгновение, повернулась к нему, испуганно посмотрела:

— Глупый, неужели ты сам не видишь?

— Я люблю тебя, — очень тихо сказал он, и я тоже сказала «люблю», а чего не сказать?

Расстались мы с трудом, часа два возле моего дома в машине сидели, раз двадцать начинали прощаться и вновь откладывали расставание еще на пять минут.

Весь следующий день меня трясла любовная лихорадка, к телефону бросалась, как голодная собака, коллеги смотрели с подозрением.

Димка позвонил в три, а у меня уже руки дрожали от нетерпения.

— Димочка, — пролепетала я едва слышно и только что не заревела.

— Лада, — сказал он, голос его дрожал. — Я сейчас приеду. Ты слышишь?

— Да, — ответила я, схватила шубу и бегом кинулась из школы.

Он подъехал через пару минут, не помню, как в квартире оказались...

И пошло... Ни о чем, кроме Димки, я уже думать не могла.

— Прорвало, — усмехнулась Танька, — досиделась. Завязывай с ним, а то Аркаша быстро узнает, оторвут башку твоему хахалю, и тебе достанется.

— Не узнает, — нахмурилась я.

— Хитрости в тебе нет. Чего ты с этим пацаном по городу таскаешься? Полно зна-

комых, донесут папуле, глазом моргнуть не успеешь.

— А ты не каркай, — разозлилась я, потому что Танька, конечно, была права.

— Слышь, Ладка, ты баба умная, но впечатлительная. Влюбляться тебе никак нельзя. Сгоришь.

Я только махнула рукой.

Прошло недели две. Димка меня, по обыкновению, встретил с работы, и мы поехали на квартиру. Все было как обычно, и ничто не предвещало грозы, пока он вдруг не спросил:

— Чья это квартира?

— Моя, — с легкой заминкой ответила я.

— Но ты ведь здесь не живешь?

Димке врать не хотелось, я подумала и сказала правду:

— Я тебе про папу говорила... Папы нет — есть любовник... богатый.

Сказала и тут же покаялась. Лицо у Димки пошло пятнами, он весь затрясся.

— Ты, ты... — Он стал задыхаться, слово произнести не может. Я заревела и рассказала историю своей жизни, красочно и жалостливо; он хмурился и кусал губы. Расстались мы в этот день как-то холодно, и я вся извелась. Но на следующий день он все же позвонил мне, от сердца отлегло, но не надолго. Димка стал задумчивый, странный, в глазах тоска. Через месяц после нашего первого свидания сказал:

— Лада, я не дурак, все понимаю... В об-